

*Посвящается Ричарду «Тони» Рису
и Дею «Нилигу» Хьюзу:
оба трудились бок о бок в лесном хозяйстве
без малого сорок лет.
Учились друг у друга*

— Ты дикарь... — промолвил Михелис.

— Я справедлив, — ответил Яннакос. — Если бы Христос в наше время спустился на землю, на нашу землю, — что бы он нес на плечах? Как ты думаешь? Крест? Нет! Бак с керосином.

Никос Казандзакис. *Христа распинают вновь**

Излишки имущества — это воровство.

Св. Амвросий Медиоланский

* Перевод с новогреческого Янниса Мочоса и Игоря Поступальского. — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

Пролог

Ти Гвидр, 2016

Сначала Гет угадывает свет, проникающий сквозь стекло, — увидит он его потом, когда по-настоящему откроет глаза. Ти Гвидр построили в 1957-м, и в городе тогда говорили, что это немыслимое уродство: приземистые кубы из дерева и стекла — то ли фабрика, то ли парник. Но когда находишься внутри, ощущение, будто завис высоко в ветвях, оторвался от земли и плывешь над поверхностью озера. По ночам вода здесь насыщенного цвета индиго — оттенка свежего синяка (или серебристая, если на небе ни облачка), и так почти до рассвета, когда перед густым гребнем из сосен будто выдвигается откуда-то сбоку переливчато-серый экран. Гет ощущает, как свет скользит по закрытым глазам, согревает кожу, и какое-то мгновение, еще не проснувшись окончательно, он чувствует себя хорошо. Чувствует себя живым и настоящим. Тени ветвей карандашными штрихами мечутся по панелям стен и старым доскам деревянного пола. Паркет присыпан пылью.

Сейчас около пяти, и предрассветный хор звучит так громко, что закладывает уши. Сознание постепенно всплывает на поверхность вопреки желаниям тела,

которому нестерпимо хочется еще поспать, поэтому Гет не открывает глаза. Впрочем, все напрасно: ему и сквозь опущенные веки видны узоры, вывязанные светом. Вот теперь наконец он начинает чувствовать себя плохо. Во рту вкус прогорклого курева и Stella, а тело будто раскачивает из стороны в сторону, невозможно ухватиться за состояние покоя. В голову лезет та же мысль, что и всегда, когда Гет просыпается вот так; он видит их учителя естествознания в восьмом классе, того, у которого изо рта вечно пахло Nescafe и который носил полиэстеровые рубашки с коротким рукавом, расчерченные точь-в-точь как тетради по математике. Запах серы, горелки Бунзена, битые жизнью лабораторные столы, изуродованные многими поколениями шариковых ручек и циркульных игл. Гет слышит с точностью до малейшей модуляции особый говор мистера Джонса (город Мертир, методистская церковь), когда тот втолковывает исполненным отвращения четырнадцатилеткам, что в состоянии похмелья человеческий мозг покидает пределы черепа. При мысли об этом Гет морщится и бессознательно сжимает голову руками, чтобы удержать мозг внутри. Глаза невольно открываются, и теперь он знает точно: он здесь, в доме. Здешний рассвет принадлежит ему.

Он тянется за бутылкой воды, стоящей рядом на полу, жадно проглатывает содержимое, и старый пластик в руке по мере опустошения деформируется. Вкус у воды тухлый. После несметного числа пинт пива и пачки Pall

Mall что угодно покажется тухлым на вкус, но вода — особенно, потому что она ведь такая чистая, особенно здешняя. Он с детства приучен гордиться валлийской водой. Господи, да англичане ради нее деревни затопляют. Вода прямо как золото.

Скаузеры*. Это из-за них тогда затопили деревню: вода для Ливерпуля, что-то такое. Но вообще-то скаузеры ничего. Смешные, хотя за вещичками надо присматривать, когда тусишь со скаузерами. Гет думает про вчерашнюю девчонку. Она из Чешира и считает себя аристократкой, они там в Чешире все такие на понтах. Гет думает про девчонку и вдруг понимает, что у него довольно мощно стоит. Вспоминает суррогатный фруктовый вкус ее бальзама для губ и как ощупывал всю ее в туалете паба, как заталкивал пальцы в ее мягкие губы и свободной рукой задирал подол платья. Как натягивалась эластичная ткань на изгибах ее тела. Потом опять к барной стойке, еще одна пинта и рюмка текилы. Девчонка вся прямо искрилась озорством, оно сверкало в ней, окрашивая румянцем щеки. Гет трогает себя и вспоминает звуки, которые она издавала, и то, каким маленьким и мягким на ощупь был ее чуть выпирающий живот, когда он обхватил ее и протолкнулся в нее поглубже. Когда он кончает, на минуту-другую тиски, сжимающие голову, ослабевают. Он лежит на спине и чувствует, как мысли проскакивают одна за другой, подобно

* Английское «scousers» — прозвище жителей Ливерпуля, которое происходит от названия блюда lobsouse, популярного у моряков.

опрокидывающимся костяшкам домино, — некоторые на мгновение озаряются светом, но в основном они просто проносятся сквозь тело и заставляют почувствовать себя живым. Он вытирает руку старой футболкой и глубоко вдыхает утро. Ти Гвидр даже внутри пахнет лесом.

Гет всегда разувается при входе, как бы сильно ни набрался. Он же не свинья, он заботится о доме. Он заботится о доме больше, чем о чем-либо еще на всем белом свете. Он натягивает потрепанный старый свитер, который ему связала *pain** еще до миллениума, чувствует, как волосы на руках встают дыбом при соприкосновении с акрилом. Трусы. Джинсы. Носки. Рабочие ботинки. Куртка: в такой ранний час даже в июне пробирает до костей. Он проверяет карманы — на месте ли ключи, но дверь за собой не запирает. Проверяет просто так, для верности: ветер здесь творит что вздумается, даже в такие тихие летние дни, как этот. Снаружи на веранде несвежую кожу окутывает обновленный утренний воздух. Гет доходит до конца небольшого деревянного причала, присоединенного к веранде. На воде играет солнечный свет.

*

Все началось накануне вечером в регбийном клубе в городе. Он управился с работой в Брин Гласе и планировал выпить всего-то одну пинту, но наткнулся

* бабушка (валл.).

на парней из школы — Сти Эдвардса (кузена Мег) и его каких-то дружков. Честно говоря, когда Гет увидел краем глаза, как они заходят, первой мыслью было залпом допить все, что оставалось в бокале, да поскорее убраться отсюда на хрен, но Сти уже заметил, как он пробирается вдоль задней стены к выходу.

— Эй! — заорал он. — Гетин, ты куда это намылился? Думал, я не увижу?

Гету совсем не хотелось пить со Сти Эдвардсом. Стивен Эдвардс был отморозком.

— Здоров, Сти, не видел, что ты тут, — сказал он, скользнув рукой по протянутой ладони.

— Да не гони, ты, чмо убогое. Давай иди-ка сюда, опрокинем по стакарику. Я угощаю.

Гет напрягся при мысли, что кто-то решил, мол, сам он себе пива купить не в состоянии, но Сти был не из таких. Нормальный мужик, если подумать.

*

Он доходит до самого конца причала, сбрасывает ботинки, ощущает под ногами сырую прохладу деревянных досок. Различает *фью-фью-фью* зеленушки и, кажется, даже замечает ее саму: по поверхности озера проносится вспышка цвета шартрез*, пока он нагибается, чтобы стянуть с себя одежду. До смерти хочется ссать. Выпрямляется,

* Яркий оттенок желто-зеленого цвета. — Прим. ред.

потягивается и смотрит, как струя выгибается дугой и отражает свет, обрушиваясь в озеро. Вода бьется о воду с оглушительной силой. «Ссыте вы, парни, ну прямо как скаковые лошади», — говорила им с братом мать, будто им следует этим гордиться, будто это подтверждает их молодость и жизненный накал. Гет сбрасывает куртку и свитер, дрыгает руками и ногами, чтобы приготовиться к потрясению, и, не дав себе времени опомниться, швыряет тело — ловкое, сильное, подтянутое, несмотря на страсть к выпивке, — в ледяное озеро.

— *Iesu mawr**. — Голос с хрипотцой, слова cedятся сквозь стиснутые зубы. — Твою мать! — выдыхает Гет, обращаясь неважно к кому — может, к зеленушке, а может, к Богу, — и от резкого погружения в убийственно-холодную воду мышцы натягиваются как струна.

*

Когда усаживаешься пить со Сти и его друзьями, надо готовиться к тому, что выпить придется очень много, — иначе их просто невозможно выносить. Компания оголтелых шовинистов, но после четырех пинт в общем ничего. Четыре пинты — идеально, как то время перед закатом, которое фотографы называют золотым часом. Примерно на середине третьей в теле возникает ощущение, будто эндорфины высвобождаются, сверкая

* Господи Боже (валл.).

и покалывая кожу, подобно искрящимся в лучах электрических огней блесткам на одежде. И вот — первый глоток четвертой. На четвертой пинте Гет обнаруживает, что внезапно оживлен и полон энтузиазма, и забывает, в какой, сука, безнадеге живет все остальное время. В окружающем мире вдруг становится больше смысла. Шутки звучат смешнее. Мнительность обзаводится собственными когтями. Музыка берет за душу так круто, что приходится дышать поглубже, иначе ее не вместить: как будто теперь саму музыку приходится вдыхать, чтобы она заполняла все легкие. Вчера тут играла группа. Четверо парней — наверное, лет по шестнадцать, а значит, они родились настолько недавно, что Гет вообще не понимает, как такое возможно. Они наверняка ходят в его бывшую школу. Группа играла песни из того времени, когда он был их ровесником: Oasis, Pulp, Catatonia, Manic Street Preachers. Когда заиграли «мэников», Гету показалось, кровь в венах нагревается и в ней происходит реакция с кислородом, который кровь старательно тащит вверх, к мозгу. На душе стало восхитительно.

*

Привыкнув к холоду, он с силой отталкивается ногами, и от его движений водная гладь покрывается рябью. Он чувствует себя почти художником, когда вот так перемещает с места на место свет, тень и воду, устремляясь пулей к середине озера. Он переворачивается в воде на спину,

ощущает почти-тепло первых солнечных лучей. Зеленишки, Бог — все это принадлежит ему. Он лежит на воде, подобно плавучей коряге, и снова закрывает глаза.

*

Ясно, чего ему хочется на самом деле, — с того самого момента, как он перестал считать пинты: ему хочется девушку. Если вам интересно, с этим в городе большой дефицит. Все его ровесницы либо чьи-то жены, либо чьи-то бывшие, либо вообще такие, кого и багром ткнуть не решишься: шлюхи. Архитектурные стрижки. Предположительный хламидиоз. Впрочем, теперь и те, что помоложе, стали небезопасны. В созревших девочках-подростках нехватки не наблюдается, они стоят и строят глазки ребятам из бенда, но Гет ведь не извращенец. Он не станет трахать кого-то, кто родился после чертова миллениума, это ясно. Он ощущает, как по лицу скользят тени лиственниц, и вспоминает: пошел в туалет и достал телефон. Пока ссал, листал приложение — менял настройки, чтобы расширить географические границы поиска. Две мили. Пять миль. Десять. Иногда, когда Гету просто хочется переспать по-быстрому, он садится за руль и едет в Честер или какой другой крупный город поблизости, идет там в паб и включает приложение в телефоне. Число вариантов удваивается, утраивается, бесконечно множится, разворачивается под его пальцами веером. У него в городке такого не увидишь, а если попробовать здесь, в Ти Гвидре, наверняка не найдется вообще

ни одного предложения. «В данной области поиска совпадений нет». Шансы тут стремятся к гребаному, мать его, нулю. Впрочем, вчера, когда он пошатываясь вышел из мужского туалета, ему повезло. В бар заявили Айоз Гриффитс и Рич Джонс и стали подбивать народ ехать в Ливерпуль. Если разбить такси на всех, будет не так уж и дорого. Гет тогда почувствовал тяжесть телефона в кармане джинсов и вообразил себе целый мир возможностей.

*

Когда он выбирается из озера, уже совсем утро. После холодной воды в теле сохраняется радостное возбуждение, он снова натягивает ботинки, обходит дом кругом и идет к своему пикапу. Это «Хайлакс-МК3» 1996 года с одинарной кабиной. Теперь такой антиквариат днем с огнем не сыщешь, но Гет взял машину за бесценок в салоне подержанных авто до того, как модель приобрела *культовый статус*. Красная, но не то чтобы прям однородная — с полосами ржавчины тут и там и с пятнами шпаклевки в надколесных дугах. Этот грузовичок создавали для того, чтобы на нем работать, — в отличие от понтовых внедорожников, которые богатеи покупают своим женам, чтобы те возили на них в школу и обратно детишек: «Рендж-Роверы» с высосанными из пальца прозвищами, которые сокращаются и используются вместо цифр на номерах; «Дискавери» оттенков «серебро» и «бордо», отполированные до такой степени, что солнце

отражается в капотах с яркостью магниевой вспышки и ослепляет на перекрестках. Гета от таких машин тошнит. Людям просто деньги некуда девать. Сегодня его мутит и при виде собственного пикапа: при мысли о том, что вчерашней ночью ему пришлось в голову сесть за руль, кажется, будто кто-то вынул из него все внутренности. Он сразу вспоминает, как туман над болотами сгущался до состояния твердого тела и Гет безопасности ради полз по обочине Олд Булч на скорости двадцать миль в час.

Сейчас бы кофе. Гет забирается в кабину и роется в хламе под ногами — где-то там, он точно знает, должна быть старая походная плитка и банка растворимого порошка. Хрустящие газеты, которые приобрели оттенок плохих зубов. Старая футболка с Sonic Youth, пропахшая потом, смолой и опилками. Во рту как в помойке. Слишком сладко. И опять это ощущение сдавленного черепа.

На часах еще нет и шести, да и вообще Койд-и-Григ — частное лесовладение, но если бы вдруг кто-нибудь прошел мимо и увидел Гета сквозь деревья на гребне позади дома, то наверняка подумал бы, что тот медитирует. Он снова спустился к воде, сел на берег, закинув ногу на ногу, закрыл глаза и ждет, пока затарахтит чайник. Гет считает, что всякая религия — западная, восточная, любая другая — полная херня, но сейчас, когда он погружает ладони во влажную землю, ощущение, которое он испытывает (хотя сам бы в этом ни за что не признался), очень похоже на святое причастие. Когда он был маленьким, в городке оставалось немало хиппи — представителей зажиточного

среднего класса, английской «богемы», — которые сбежали в Уэльс в семидесятых, чтобы стать гончарами, ткачами или рисовальщиками плохих пейзажей. Гет принимал наркотики вместе с их детьми, пока не вырос из этой ерунды — и пока сами эти дети не переехали в такие места, где что-то *происходило*. Звали этих детей как-нибудь типа Талиесин. Родители давали им валлийские имена, вот только откапывали эти имена прямо в «Мабиногионе»* — почему бы уж сразу не Ланселот или Галахад? Тал иногда говорил о «единении с землей». Гет тогда думал, что его приятель мелет пургу, но сегодня он почти физически ощущает, как земля гудит под кончиками пальцев. Движение воды, которую выводит из состояния равновесия ветерок, вполне может оказаться движением крови по его собственному организму. Гет вдруг ловит себя на том, что помимо собственной воли сосредотачивается на выдохах и вдохах. Своего у него очень мало, но вот это у него есть.

*

Девушку звали Хлоя. Они совпали в приложении, когда он шел от автостоянки к самому первому пабу. Нижняя граница его возрастных рамок. «Возможно, одного возраста с моим грузовиком», — подумал он. Первой фотографией был обязательный снимок в бикини. Шикарное тело. Стройное, но не слишком тощее — есть за что

* Цикл валлийских повестей, записанных в XII–XIV веках.

ухватиться. Дальше — фотография в классных обтягивающих леггинсах и спортивном лифчике, волосы собраны на макушке в растрепанный пучок. Лица толком не разобрать: она делала какую-то хрень из йоги.

— Осторожнее, чел, — сказал Рич, заглянув ему через плечо: — Тело — «Спасатели Малибу», а лицо — «Место преступления».

*Хлоя. 22. Учусь в Ливерпуле, Университет Джона Мурса.
Йога. Путешествия. Феминизм. Шприц-аперольчики
с подружками! Hablo español;)*

На следующей фотографии она сжимала в руке бокал с огненно-оранжевой жидкостью — Гет догадался, что это, видимо, и был тот самый апероль-коктейль, к которому у нее такое пристрастие. С лицом тоже никаких проблем не было, просто она явно осознавала, в чем ее главные козыри. Он не успел и первой пинты заказать, как совпал с еще двумя девчонками, но выбрал все-таки именно Хлою.

*

Допив кофе, Гет решает, что, раз уж он все равно проснулся и встал, можно заодно наколоть дров из бревен, которые вчера заготовил для доктора Прис-Джонса. Лесорубных штанов он с собой не брал, но колун и перчатки лежат в кабине. Джинсы тоже сгодятся. Прис-Джонс — хороший

клиент, Гету он нравится, поэтому он срубил для него отличный ясень — футов тридцать в высоту и с восьмидюймовым стволом. На год или два старше Хлои. На все про все уходит с полчаса. Он сегодня слегка замедленный, и к тому же у ясеня перекрученные волокна — приходится доставать бензопилу, чтобы разделить некоторые бревна на четыре части. Умудряется утыкать занозами чертовые джинсы, и, хотя воздух по-прежнему прохладный, руки под перчатками липкие от пота. Еще несколько капель бусинами собираются на лбу и стекают по лицу. Вокруг принимаются гудеть мухи, и нервы в мозгу нестерпимо хрустят каждый раз, когда он бьет топором по бревну, — хрустят, как кости зверька, угодившего в плуг. Гет чувствует, как за работой из него потихоньку выходит алкоголь. Когда с рубкой покончено, футболка насквозь мокрая и тело пронизывает ощущение выполненной задачи. Хлоя вчера явно впечатлилась, когда он сказал, чем зарабатывает на жизнь. Показал ей шрам от бензопилы, которая вырвалась из рук, когда он делал это впервые. Хлоя провела пальчиком с идеальным маникюром по всей длине шрама, и губы сложились в пухленькую букву О. На людей это всегда производит впечатление. Ну, типа, романтика — благородная профессия, мужественная. Он грузит дрова в кузов и, прежде чем уехать, еще разок осматривает лес. Надо бы разобраться с парой повисших ветвей и избавиться от нескольких мертвых платанов, но это можно сделать на выходных — все равно других планов нет. Вернувшись в дом, чтобы забрать кое-какие

вещи и запереть замок, Гет на некоторое время зависает перед высоким окном. На поверхности воды выведены коричнево-зелеными пятнышками размытые образы деревьев. Он касается стекла рукой.

В грузовике поворачивает ключ зажигания, CD-проигрыватель оживает, и кабину разрывает выкрученная на полную мощность музыка — пронзающий до глубины души визг губной гармошки разносит в щепки утренний покой. Таунс Ван Зандт. Видимо, здорово он вчера набрался и настроение было то еще, раз ехал среди ночи домой под Таунса Ван Зандта на полной громкости. Гету нравится стиль кантри, потому что он узнает в этой музыке себя самого. У него есть ощущение, будто кантри оправдывает его образ жизни, более того — раздувает его до героических масштабов. Позволяет почувствовать себя частью чего-то колоссального. Наполняет ощущением значимости. Ему нравится слушать великих: Хэнка Уильямса, Мерла Хаггарда, Уэйлона Дженнингса, Вилли Нельсона. Нравятся песни об опустившихся людях, длинных пыльных трассах, придорожных заправках, бухле и опасных женщинах. Он думает, что вязкое, причиняющее душевные муки пение педальной слайд-гитары — самый нестерпимо болезненный звук из всех доступных человечеству. Американа* буквально

* Общий термин для обозначения различных музыкальных направлений, в которых сохраняются признаки исконно американских стилей. В первую очередь под американой понимают стиль кантри.

разрывает его на части. С одной стороны, она говорит с ним и ценит таких, как он; с другой стороны, у него есть подозрение, что все эти ребята — просто кучка гребаных тупоголовых расистов. Гет вынимает диск из привода и роется в бардачке в поисках чего-нибудь другого. Хочется, чтобы музыка бодрилась и взмывала ввысь. Он устремляется вперед по дороге, и первые аккорды открывающей песни с вызовом ударяют по клавишам — и вступает сердитый — *да пошел ты!* — рык: Патти Смит. Вот кто ему нужен. Патти, мать ее, Смит. Песня карабкается все выше и выше и добирается до самого верха, пока Гет мчит по петляющей трассе мимо Тан-и-Грайга. Он стучит по рулевому колесу пальцами, как воображаемыми барабанными палочками, и тут же спохватывается, не превысил ли скоростной лимит. Когда «Gloria»* заканчивается, убавляет звук и строго себя одергивает: соберись. Чего ему сейчас совсем не нужно, так это еще одного предупреждения за нарушение ПДД.

*

Одноэтажный бунгало на две семьи стоит в ряду четырех таких же в конце Форт-ир-Орсава, или улицы Вокзальной, которую называли так потому, что, когда через городок еще проходила железная дорога, приземистые

* «Глория» (англ.) — песня из дебютного альбома Патти Смит «Horses» (1975). — *Прим. ред.*

викторианские дома ленточной застройки, предназначенные для строителей, выходили окнами на эту самую железную дорогу. Домики-бунгало добавили уже потом. Сначала это было муниципальное жилье. Его построили вскоре после того, как в начале шестидесятых железнодорожную ветку закрыли. Там, где раньше пролегли рельсы, теперь петляет узкая невзрачная тропинка. Муниципалитет пытался ее облагородить — засыпал гравием, воткнул пару скамеек. Разбили тут клумбы в деревянных ящиках — с жеманными первоцветами и нарциссами. А теперь гравий усыпан старыми банками из-под Carlsberg, пустыми сигаретными пачками, обертками от Dairy Milk, нет-нет да и встретится использованный презерватив. Когда Гет еще учился в школе, Кей Горсав, местный парк, был точь-в-точь как та девчонка, что потеряла девственность с мужчиной намного старше себя, затащившим ее в кусты, да к тому же чем-то от него заразилась. На подходе к дому Гет испытывает чувство унылой безнадеги, которое возникает у него всякий раз, когда он здесь оказывается. Во что превратился дом... Прихожая больше напоминает отхожее место. Парни, живущие во второй половине, производят тухлый запах на грани неприличия, и, когдаходишь в дом, кажется, будто их затхлый воздух просачивается сквозь сырые и тонкие, чуть ли не бумажные, стены. Занавески задернуты, и Гет уже делает шаг, чтобы их раздвинуть, но тут звонят на городской. Резкий, какой-то нездешний звук телефона наполняет

всю темную комнату и воспринимается как угроза. Есть в этом что-то театральное, что-то предопределенное — когда телефон начинает звонить, едва войдешь в комнату. Гет пропускает несколько телефонных сигналов и пристально смотрит на аппарат, будто тот может внезапно самовоспламениться. Он игнорирует звонок — и тянется едва уловимое тревожное чувство, будто за ним следят. Наконец, хватает трубку.

— Алло, — произносит он сипло.

— Здравствуйте, — отзывается мягкий женский голос на другом конце провода — безупречный, профессиональный, телефонный. — Я говорю с мистером Томасом? Гетином Томасом?

Он тербит шов на занавесках.

— Да.

— Мистер Томас. Прекрасно. Замечательно, — говорит она с облегчением, как будто целый день только о том и мечтала, как бы поскорее с ним поговорить. — Это Стефани Лерэй. Из «Далтон Эстейт». По поводу Ти Гвидра.

«Ти Гвидр» она произносит неуверенно и с неуклюжим английским произношением: «Тхии Гуиддр». Гет чувствует, как в голове начинает гудеть.

— Слушаю вас.

— Так вот. У нас есть восхитительные новости относительно данного объекта. Как вы знаете, семейство распоряжается Ти Гвидром уже довольно давно, а Обри Далтон, к несчастью, в прошлом декабре скончался.

Обри Далтону было за девяносто. Начиная с семидесятых годов этот объект был не основным его домом, а вторым (или, если точнее, пятым или шестым). У Гета не возникло внутреннего порыва передать близким искренние слова соболезнования.

— Так вот, с момента его кончины прошло шесть месяцев, и дети мистера Далтона пришли к соглашению, что наилучшим решением будет дом продать.

Гет понимает, что где-то там, в лондонском офисном пространстве, Стефани Лерэй продолжает говорить и что благодаря магии телефонных линий и сотням миль проводов и кабелей ее милый и исполненный энтузиазма голос льется из пластмассовой трубки в его убогое крошечное бунгало на Форт-ир-Орсав. Он вроде бы даже слышит собственное хриплое подобие «спасибо», но на самом деле больше не в силах разобрать ни слова из того, что говорит она или он сам. Он отдается на волю автоматического мышечного импульса и позволяет коленям подогнуться. Слова раздуваются в мутные, не поддающиеся расшифровке звуки. Повесив трубку, Гет идет в ванную, и там его рвет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Зеленый пласт

Где-то в коробке на чердаке у Марго Йейтс или в убогой симфонии грязной пластмассы, противостоящей гниению на свалке, есть видео, на котором Гетин сидит на берегу озера рядом с Ти Гвидром. Он молод — девятнадцать или, может, двадцать. Поздняя весна, закат, и на горизонте за темной грядой деревьев просачивается белое свечение низкого солнца. Снимает Олуэн. Родители купили ей на день рождения видеокамеру Hi8. Идет 1999-й, и многие боятся, что меньше чем через год сбой в работе компьютерных часов приведет к уничтожению человечества. Гетин смотрит в камеру, прищуривается. Ее бесплотный голос говорит ему: мне здесь нравится. Он отвечает: отлично. Это место — наше.

Приблизительно через месяц после того звонка в Ти Гвидр прислали фотографа — сделать снимки дома. Секретарь объяснила Гетину, что за этим стоят агенты по недвижимости, причем не какие-то «обыкновенные агенты по недвижимости», а «знатоки изысканного дизайна, представляющего культурно-историческую ценность». The Modernist выпускал собственный ежеквартальный архитектурный дайджест, а в одной из социальных сетей у них было 600 тысяч подписчиков. Об этом факте Гет узнал благодаря тому, что секретарь любезно прислала ему восторженное электронное письмо со множеством прикрепленных ссылок, и он убил двадцать минут жизни на проматывание картинок «впечатляющих двухуровневых квартир с тремя спальнями, светлыми кухнями увеличенной площади с полами террасы, где исконный викторианский стиль сочетается с элегантными инновационными решениями». Гет изумленно кликал на образцы поэтажного плана. Полтора лимона за семьдесят пять квадратов в Южном Лондоне, да это еще и долгосрочная аренда, а не владение! В основном у этих жилищ и двора-то не было. Интересно, сколько они попросят за Ти Гвидр, лес, озеро.